

Журнал "Мировые цивилизации" / Scientific journal "World civilizations" <https://wcj.world>

2020, №1–2, Том 5 / 2020, No 1–2, Vol 5 <https://wcj.world/issue-1-2-2020.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/03PSMZ120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Психологические предпосылки фальсификации исторических событий (на примере событий Великой Отечественной войны) // Мировые цивилизации, 2020 №1–2, <https://wcj.world/PDF/03PSMZ120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kandybovich S.L., Razina T.V. (2020). Psychological background of falsification of historical events (on the example of the events of the Great Patriotic War). *World civilizations*, [online] 1–2 (5). Available at: <https://wcj.world/PDF/03PSMZ120.pdf> (in Russian)

УДК 159.9(075.8)

ББК 88.4я73

Кандыбович С.Л.

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Рязань, Россия

Ведущий научный сотрудник

Доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации

E-mail: s.kandybovich@sodru.com

Разина Т.В.

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия

Доктор психологических наук

Профессор кафедры «Экономической психологии и психологии труда»

E-mail: razinat@mail.ru

Психологические предпосылки фальсификации исторических событий (на примере событий Великой Отечественной войны)

Аннотация. Цель работы – проанализировать какие особенности действия человеческой памяти и восприятия могут выступать условиями, способными исказить исторические данные, основанные на свидетельствах очевидцев. Данная проблема весьма актуальна в отношении исследований событий Великой Отечественной войны, поскольку в отношении ряда эпизодов той эпохи на данный момент практически не сохранилось архивных документов и иных материальных свидетельств. Проблема усугубляется расхождением многих отечественных данных и исследованиями европейских ученых, которые базируются на сохранившихся документах. При этом многие исследователи фиксируют расхождения в статистических данных Советской и Германской стороны, зафиксированных в документах периода ВОВ. Это, однако, в свою очередь, может также иметь психологические причины. Перечислены основные ошибки памяти, которые довольно характерны для участников боевых действий, как военных, так и гражданских лиц, и в том числе для периода Великой Отечественной войны. Это априорное действие идеологических установок, фильтрующей воспринимаемый и запоминаемый материал, стереотипизация запоминаемой информации с ходом времени, туннельное восприятие окружающей действительности в ситуации стресса, что препятствует восприятию и запоминанию большей части информации, появление несуществующих воспоминаний, искаженное восприятие времени. Указанные закономерности обуславливают необходимость дальнейших исторических исследований событий Великой Отечественной войны с привлечением как архивных материалов, так и воспоминаний очевидцев. При этом

параллельно с историческим анализом необходим также и психологический анализ для установления объективной картины событий той эпохи.

Ключевые слова: фальсификация; Великая отечественная война; ошибки восприятия; ошибки памяти

В последние годы мы имеем обширнейшее документирование практически всех исторических событий. В большинстве случаев относительно каждого события существуют официальные документы, очень часто находящиеся в открытом доступе, а также возможность ознакомиться со свидетельствами очевидцев и самим оставить собственные воспоминания, впечатления. Поэтому уже через несколько лет, для историков, занимающихся изучением современного периода, проблемой будет не столько поиск источников, сколько их сопоставление и установление «истинного хода вещей», установление сути, за огромным количеством наслоений субъективных воспоминаний их непосредственных участников.

В данной работе мы хотели бы рассмотреть вопросы непреднамеренной фальсификации истории, связанные с особенностями функционирования человеческой психики – процессов восприятия действительности, ее запоминания и последующего воспроизведения.

Проблема установления адекватности рассказов очевидцев имеет место и в случае анализа событий прошлых лет и особенно когда других документов нет. Такая ситуация характерна для многих событий времен Великой Отечественной войны. Наиболее ярким примером такого дефицита информации является защита Брестской крепости. До сих пор основными источниками информации для отечественных историков были воспоминания участников защиты. На данный момент известен только один документ периода осады брестской крепости – Приказ от 24 июня 1941 года № 1 [8, с. 73–75], согласно которому командование группой возлагалось на капитана Зубачева, его заместителем назначен полковой комиссар Фомин.

Относительно хорошо задокументированы события штурма Брестской крепости гитлеровскими офицерами, а также немецкой военной разведкой, однако, до недавнего времени они были недоступны не только широкому кругу читателей, но и профессиональным историкам. Только недавно архивы стали не только открыты, но и оцифрованы¹. Это, однако, имеет определенные негативные эффекты. Для того чтобы работать с любым историческим документом, верно его истолковать, необходимы специальные знания и навыки работы с архивными материалами, идеальное знание всех исторических аспектов того времени. Если же такие документы прочитает человек, не имеющий соответствующей подготовки, будет воспринимать их вырванными из контекста всех прочих исторических событий, то это может привести к превратному пониманию и толкованию, а также последующему распространению данной информации, что в итоге также может привести к непреднамеренной фальсификации истории.

Тем не менее, даже у профессиональных историков может возникнуть не всегда верное понимание материалов, в первую очередь из-за определенной установки на то, что документы обладают большей достоверностью, чем свидетельства очевидцев. Открытость архивов привела к тому, что современные молодые историки начинают писать работы, опираясь исключительно на немецкие источники, что в итоге значительно смещает смысловые акценты в интерпретации событий. Так, например, в работе молодого историка из Беларуси

---

¹ Дело 556. Описание хода войны против СССР, ее причин, итогов боевых действий до 01.12.1941 г. // Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации <http://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1354#page/32/mode/grid/zoom/1>.

В.К. Вознесенского проанализированы особенности 62-го брестского укрепленного района на основании донесений немецкой военной разведки, военных документах и оценке специалистов. В частности по-новому переосмысливается ход наступательной операции и причины стремительного продвижения немецкой армии в глубь страны В.К. Вознесенский, ссылаясь на материалы из архивов немецкой армии² делает такой вывод: «Слабость оборонительной линии немцы списывали на «неспособность русских к строительству бетонированных позиций, в короткий срок из-за недостатка всех хозяйственных и организаторских предпосылок», а свой успех объясняли в первую очередь внезапностью нападения [2], т. е. косвенно подчеркивается несостоятельность и советской экономики и профессионализм, квалификация инженеров и рабочих.

Безусловно, морально-психологический настрой советских воинов возможно было бы трудно зафиксировать в немецких документах, однако, как отмечают другие историки даже в официальных статистических документах Германии и СССР касаемых одного и того же предмета наблюдаются существенные расхождения. Особенно ярко эти расхождения наблюдаются в исследовательских работах европейских историков последних лет. Как отмечает К.И. Козак [4] в работах зарубежных коллег-историков Quinkert В. [10], Brakel А. [9] цифры потерь среди мирного населения на территории Беларуси существенно отличаются в меньшую сторону от данных советского периода и от современных белорусских данных. Так, например, потери в Тростенечком лагере смерти по нашим данным составляют 206,5 тыс. убитых, а по зарубежным данным были уменьшены до 50–60 тыс., в шталаге 352 (Масюковщина) по нашим данным было уничтожено 80 тысяч человек, а по зарубежным – 40 тысяч человек. Такое игнорирование наших данных со стороны зарубежных исследователей К.И. Козак объясняет недоверием к советской системе подсчета жертв, недобросовестностью сотрудников НКВД при фиксации фактов массовых казней и т. д. Мы со своей стороны не исключаем, что ошибки в подсчете присутствуют с обеих сторон и на данный момент крайне сложно установить истинное число жертв. В этом случае, наверно, единственно верным и профессиональным решением со стороны историка было бы указание различных данных, взвешенный их анализ, отсутствие безапелляционных выводов. Сегодня, когда информационная открытость достигла своего пика, как для отечественных, так и для европейских историков крайне важно использовать все возможные ресурсы, тем более что факты расхождений в них – уже само по себе представляет крайне интересную научную проблему, которую важно изучать.

Перейдем, однако, к анализу возможных ошибок восприятия и запоминания исторических событий их непосредственными участниками.

Если рассматривать этот процесс на примере информации, полученной от защитников Брестской крепости, то он может быть представлен следующим образом. 22 июня 1941 года ранним утром десятки тысяч человек оказались резко вырванными из привычного ритма жизни и вынуждены были функционировать в условиях острой угрозы их жизни и здоровью. Неожиданность, а также постоянная угроза жизни, восприятие массы смертей, позволяет говорить, что на момент нападения люди находились в состоянии сильнейшего стресса, а в последующие дни – сильнейшей психологической травмы, шока, на основе которых развивалось посттравматические состояния. Эти события неизбежно наложили отпечаток на особенности восприятия ситуации. Само восприятие было искажено. Информация поступала в краткосрочную память, но могла не переходить в долговременную, очень быстро вытесняться оттуда новыми событиями. При этом эмоционально окрашенные воспоминания, которые имели

---

² Приказы по батальонам, полкам, дивизиям, корпусам немецкой армии. Боевое донесение о форсировании реки Буг (1941 г.), Л.142 [Электронный ресурс] // ЦАМО. Фонд 500. Оп. 12480. Д. 61. URL: <http://wwii.germandocsinrussia.org> (дата обращения: 25.05.2019).

крайне индивидуальный характер, фиксировались в памяти крайне глубоко. Через какое-то время начинали действовать защитные механизмы психики, по большей части вытесняя из памяти болезненную информацию. Важным моментом является еще и тот факт, что интервью с участниками защиты Брестской крепости профессиональными историками и журналистами, происходили через много лет после окончания войны. Долгое время брестская крепость была относительно белым пятном нашей истории, да, были сняты, фильмы, сделаны театральные постановки, были определенные публикации в газетах, отражающие в основном героическую направленность событий, тем не менее, серьезных исторических исследований не проводилось. Одним из первых, кто поднял тему брестской крепости, кто исследовал рассказы очевидцев был Сергей Сергеевич Смирнов, первая книга которого вышла в 1957 году [8]. Также, например, в 1963 году вышел сборник воспоминаний «Героическая оборона» [3]. Таким образом, актуализация следов памяти происходила через 10–15 лет после происходящих событий, после 4 лет войны, после 10 лет мирной жизни, когда людям естественно хотелось забыть все ужасы войны. Это естественным образом влияло на биографическую память и на характер, содержание и место событий, которые в ней хранились.

Необходимо отметить также еще и факты целенаправленного, вполне осознаваемого замалчивания истории, в том числе и отечественной. В ряде случаев эти факты замалчивания вызваны идеологическими соображениями, а в ряде – скорее психологическими, морально-нравственными. Так, К.И. Козак отмечает, что, говоря про период оккупации Беларуси безусловно, отмечается факт казней мирного населения и другие формы его притеснения, однако практически не рассматриваются факты – еще одна черта повседневности – рабство и принуждение женщин. В советские времена сами свидетели не имели возможности рассказать о настоящем. Одновременно немецкие историки много внимания уделяют, чтобы раскрыть характер злоупотребления советских солдат в отношении немецких женщин [4].

То же можно отнести и к фактам пребывания наших военных и гражданских в плену.

Для отечественной истории, в том числе истории Великой отечественной войны было характерно игнорирование ряда важных вопросов, которые не соответствовали определенным морально-нравственным идеалам, определенным социокультурным нормам. Достаточно сильно было представление о «позоре», который всеми силами необходимо было скрывать, вне зависимости от того была или не была в этом вина самого человека. Это было необходимой данностью, позволяющей сохранить психологическое благополучие, не подвергнуться остракизму со стороны общества. Безусловно, поэтому и очевидцы, и участники событий старались замалчивать ряд объективных исторических фактов. В ряде случаев, психологические травмы были настолько сильны, что работали механизмы психологической защиты – вытеснения, отрицания, реактивного образования и др. когда через несколько лет историки брали интервью у участников событий, они (сознательно или бессознательно) представляли в них далеко не все события.

Рассмотрим некоторые ошибки памяти, которые довольно характерны для участников боевых действий, как военных, так и гражданских. Применительно к нашему примеру – воспоминания защитников Брестской крепости – все эти ошибки весьма характерны, поскольку в данном случае помимо прочих факторов работал элемент неожиданности нападения, т. е. создавалась ситуация сильного стресса, психологической травмы, со всеми вытекающими последствиями.

1. Запоминание любых событий априорно уже детерминировано определенными установками, которые работают как своеобразный фильтр, отсекающий одни события, и запечатлевающий в памяти другие. Как правило, данный фильтр создается предварительно и задолго до происходящего события, имеет идеологическую природу, обусловлен доминирующими ценностями и установками. Например, для наших воинов – такой установкой

мог быть героизм, самопожертвование, готовность сражаться за родину до последней капли крови, беззаветная смелость. Поэтому проявления трусости, малодушия, дезертирство, добровольная сдача в плен – все эти факторы не воспринимались, а соответственно и не запоминались участниками событий. Для участников штурма Брестской крепости с германской стороны установки соответственно были другими – на превосходство арийской расы, и немецкого оружия, на молниеносную победу – соответственно именно эти факты и сохранялись в памяти, а примеры самоотверженного сопротивления наших воинов игнорировались и соответственно не запоминались.

2. Второй особенностью запоминания, которая ведет к существенным ошибкам является действие стереотипов на запоминаемую информацию. В процессе перехода информации из долгосрочной памяти в память биографическую детали событий отсекаются, важное и общее остается, а незначительное и частное – забывается. Здесь речь идет, конечно, о важном и незначительном для каждого конкретного человека, а не для истории в целом. В последствии информация, откладываемая в биографической памяти, определенным образом структурируется, что облегчает ее хранение. Информация легче сохраняется если она соответствует каким-либо штампам, стереотипам, уже существующим в коллективном сознании или бессознательном. При этом элементы, не укладываемые в эти штампы, могут довольно грубо отсекаются. В итоге воспоминания различных участников одного и того же события в общих чертах могут быть очень похожи. Это создает у исследователя, который берет интервью, иллюзию достоверности события.

3. Начало военных действий, тем более необъявленное – это сильный стресс для всех участников события, соответственно психика и воинов, и гражданских лиц, оказавшихся в районе боевых действий, работает по законам свойственным стрессовым состояниям. Одной из особенностей таких состояний является туннельное зрение – человек видит и воспринимает только то, что непосредственно важно для реализации его биовыживательных потребностей, при этом многие другие события просто остаются за гранью восприятия и не запоминаются. В случае с защитниками Брестской крепости сейчас мы можем только догадываться какая информация осталась за границами их восприятия.

4. В ситуации психологической травмы и посттравматическом состоянии могут возникать ошибки по принципу несуществующих воспоминаний – за свои воспоминания человек начинает считать то, что ему рассказали или свидетелем чего он не был. Для истории, однако, зачастую бывает не столь принципиально кто переживал то или иное событие (если речь не идет конечно о ключевых исторических фигурах – военачальниках, принимающих решения или главнокомандующих армией, первых лиц страны и т. п.). Если событие имело место, не принципиально кто о нем рассказал. Существует, конечно, тонкость, что описание, переданное из уст в уста, непременно обрастает еще и дополнительными, уже не имевшими места фактами, подробностями и в итоге кардинально искажается.

5. Ещё одна очень распространенная ошибка восприятия в стрессовых и психотравмирующих ситуациях – искаженное восприятие времени. На пике действия психотравмирующего фактора время может субъективно растягиваться, поэтому артобстрелы, штыковые атаки, расцениваются как более длительные, иногда они способны вытеснить практически все события того дня. В ситуации посттравматического периода время наоборот может сжиматься, в том числе за счет того, все события теряют свою острую эмоциональную значимость, дни становятся похожими один на другой и сливаются в один. В ситуации длительного ожидания, бездействия, невозможности управлять собой и происходящими событиями, время также может растягиваться, дни кажутся бесконечно длинными. В последствии в памяти остается лишь общая субъективная длительность временного периода, который делится на дни уже исходя из особенностей текущего восприятия времени – в итоге

участник событий может быть убежден, что прошла неделя, в то время как в реальности прошло, например, три дня.

Тем не менее если мы обратимся к воспоминаниям защитников Брестской крепости, мы не сможем однозначно определить какая информация в них искажена, а какая – достоверная.

Прасковья Леонтьевна Ткачева, старшая сестра хирургического отделения госпиталя вспоминает: *«Госпиталь сильно бомбили. Жертв уже было много. Здание хирургического корпуса также оказалось разбитым. На территории госпиталя бушевал пожар. Дежурный медперсонал начал эвакуацию больных из госпитальных зданий в более безопасное место – казематы, находящиеся в валу. ... Мы верили, что вот-вот подойдут свои. Неожиданно рядом появились немцы. Помню, Вера Хорецкая как раз в это время перевязывала раненого Кукушкина. Гитлеровцы безжалостно пристрелили их обоих. ... Погибла Ровнягина. Из 28 человек нас осталось четверо. Лейтенант Иванов – наш делопроизводитель – бросился в воду, чтобы не попасть в плен. Его пристрелили. Фашисты обследовали помещение и приняли нас за убитых. Ведь убитых было много, а нас только четыре человека. Нас даже толкнули, но мы не шелохнулись. Когда все стихло, мы решили, что нужно перейти в другие подвалы и там переждать. Вдруг до нашего слуха донесся родной русский голос. Оказывается, это был начальник армейского госпиталя военврач 2 ранга Маслов. Он перевел нас в другой подвал. Обстановка сложилась тяжелая: дети просят пить, воды нет, кругом крики. Утром вновь появились фашисты. Маслов хорошо говорил по немецки. Он что-то объяснил им. Гитлеровцы отделили женщин и детей. Раненых и больных увезли, а мы ждали своей участи» [3, с. 72–73].*

Константин Васильевич Клопов, сержант, заведующий складами продовольственно-фуражирного снабжения 333-го стрелкового полка, сражавшийся у Тереспольских ворот так вспоминает дни осады: *«...На другое утро (26 июля – прим. авт.) было приказано подготовиться к контратаке с форсированием Мухавца, чтобы отбросить группировку врага, вклинившуюся по реке в центр крепости и мешавшую соединиться с соседними бойцами. Контратака была молниеносной – две коротких перебежки и мы уже в реке. Вода кипела от снарядов и пуль. Здесь погибло много наших товарищей от того, что нас расстреливали в упор и потому, что не все хорошо плавали. На середине реки меня, видимо, немного оглушило, я очнулся уже у самого берега. Форсировав реку, наша группа разделилась. Одни прорвались в направлении северо-восточной части крепости, другие преследовали отступивших фашистов до шоссе Варшава-Минск. В это время наша группа (человек 11) заняла оборону на правом фланге. Помню только троих участников нашей контратаки – старшего лейтенанта, заведующего складом боепитания старшего сержанта Семенова и Ильичева» [3, с. 485].*

Федор Филиппович Журавлев курсант и секретарь партбюро полковой школы 33-го инженерного полка вспоминает: *«"...Боепитание было на исходе, все наши резервы исхудали, подкрепления нет. Собравшись, приняли решение идти на прорыв: под прикрытием пулемета форсировать рукав Мухавца. Так было решено и сделано под громовое: "Ура! За Родину! За Сталина! Вперед!" ... Цель наша была проста: выйти из крепости и соединиться со своими. Немцы сразу же открыли ураганный огонь из автоматов, пулеметов. Пули густо ложились на воду, большая часть товарищей погибла при переправе. Но и те, кому посчастливилось перебраться на другой берег, долго не могли даже подняться, поливали по нам пулеметным огнем. Добрались до южной части крепости вблизи моста через Мухавец в метрах 100–150 от него. Здесь были бойцы из других подразделений. Собралось нас примерно до 200 или более человек. Под руководством одного лейтенанта, фамилию не помню, был не с нашей части (прим. – лейтенант Виноградов А.А.), примерно в 19.00.–20.00. делаем из пушки последний*

выстрел и последний снаряд по мосту, который проходил через Мухавец. А в пушке было всего два снаряда³.

Григорий Сергеевич Макаров ветеринарный фельдшер транспортной роты 333 стрелкового полка вспоминает: *«Примерно на 4–5 сутки мы пробили потолок, прокопали в земляном валу лаз. Но, когда первый разведчик вылезал на поверхность, в это место упала мина и взорвалась. Вход засыпало. Штаб принял решение держать оборону до прихода наших войск в полной надежде, что наши далеко не отступят. Штаб обороны нашего форта и партбюро решили отправить женщин и детей с белым флагом в город. На седьмой день немцы забрасывали под двери и амбразуры гранаты с длинными деревянными ручками, начиненные ядовитыми слезоточивыми газами. Из крайнего каземата бойцы пробили отверстие в склад боепитания, и благодаря этому мы смогли добыть еще несколько ящиков патронов и гранат. Примерно на восьмой день обороны немецкой бомбой склад был взорван. Долгое время горел он, взрывались снаряды и мины. Партийное собрание проводили три раза. Последнее – 29 июня, особенно памятно: восемь человек приняли в ряды партии. Все мы поклялись сражаться до последнего биения сердца» [1].*

Среди всех этих воспоминаний, можно, однако, выделить общие черты, которые свидетельствуют скорее об означенных выше особенностях работы памяти, чем являются свидетельствами достоверности событий. Во всех воспоминаниях подчеркивается, акцентируется героизм всех участников защиты, нет упоминаний о слабости, трусости или предательстве, что возможно является следствием установки и стереотипизации. Следствием действия установки может быть и твердая убежденность многих участников событий что «скоро подойдут наши», хотя она повлияла в большей степени не столько на воспоминания, сколько на оценку оперативной ситуации и принятие решений. Мы целенаправленно приводили интервью с участниками по изданию 1963 года – периода оттепели, когда в своих высказываниях и суждениях люди могли быть более свободны, когда идеологическая цензура и правка были не столь жесткими (хотя безусловно присутствовали). Во всех воспоминаниях гитлеровцы выступают как безликая обобщенная масса, квинтэссенция, обобщенный образ злого начала. Практически нет рассказов, которые давали бы хотя бы относительно детальный портрет фашистов. Во многих воспоминаниях люди не могут вспомнить имена своих боевых товарищей и командиров, реальные даты также как правило не указываются, упоминается порядок дней, при этом авторы сами отмечают «примерность» такой хронологии. Многие из описываемых событий уже были осмыслены и логически переработаны постфактум. Все описания имеют глубокую эмоциональную окраску, а соответственно и определенную оценку, отношения к событиям. С этой точки зрения мы имеем дело с искаженными историческими фактами, хотя, это искажение было далеко не преднамеренным.

Историки хорошо знают, что такому источнику как личные воспоминания нужно доверять ограничено и в сложившейся ситуации отсутствия наших архивных материалов и наличия германских, существует большое искушение проверить содержание воспоминаний и обратиться к документу. В последнее время большие вопросы вызывает длительность существования очагов сопротивления в Брестской крепости. По материалам немецкого командования Брестская крепость была полностью захвачена 8 июля 1941 года⁴, тем не менее, в нашей историографии фигурируют факты, свидетельствующие о том, что наши защитники оставались в крепости и оказывали сопротивление гитлеровским войскам значительно дольше. В частности отмечается, что вплоть до 12 июля в Восточном форте сражалась небольшая группа

³ Русский фортификационный сайт. <http://fortification.ru/forum/index.php?topic=40.7580>.

⁴ Боевое донесение командира 45-й дивизии генерал-лейтенанта Шлипера о занятии крепости Брест-Литовск, 8 июля 1941 г.

бойцов во главе с майором П.М. Гавриловым. Но и позже 20-х чисел июля в крепости продолжали биться советские воины. Так сам П.М. Гаврилов находился в крепости и сражался до 23 июля 1941 года [8]. О фактах длительного сопротивления свидетельствуют и надписи, оставленные на стенах крепости ее защитниками: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.07.41 г.» [8].

Данный пример показывает, что искажение истории может наблюдаться не только в воспоминаниях, но и в документах. Германское командование, безусловно, также очень хотело как можно быстрее отчитаться об успешном завершении операции и поэтому вполне намеренно могло указать более ранние даты взятия крепости. Это также хорошо должны понимать и понимают историки. С этой точки зрения – нет истории неискаженной. И говоря про противодействие искажению истории мы в первую очередь должны учитывать и сам их факт, и направленность, и мотивы, побуждающие к этому искажению. Историю можно фальсифицировать преднамеренно, руководствуясь определенными политическими соображениями и непреднамеренно. Безусловно, степень искажений в обоих случаях будет разная. Если же обратиться к советской историографии относительно Великой отечественной войны (мы не берем сейчас другие аспекты), то она также была искажена, в том числе и в первую очередь по идеологическим соображениям – умалчивались многие нелюбимые факты и тенденции. Выше мы уже говорили, что такое явление как сдача в плен, нахождение в плену – долгое время было строжайшим табу для публичного обсуждения.

Сейчас, когда появляются, открываются новые возможности, новые архивы, одной из основных задач историков является установление и исправление исторических искажений, которые существуют и существовали всегда. Это может быть достигнуто, безусловно, лишь на основе тщательного изучения и сопоставления разного рода источников, применения современной методологии исторического, а также психологического анализа. Мы можем предположить, что новые результаты будут в определенной степени отличаться от тех, к которым мы привыкли и их авторы, в том числе, будут обвинены в попытках искажения истории. Необходимо хорошо представлять, что искажение истории заключается не только в ее «очернении», но и в «обелении», а установление исторической справедливости включает выведение на свет не только положительных, но и отрицательных моментов нашей истории. При этом любые факты истории и особенности их интерпретации не должны становиться инструментом политических спекуляций.

История Великой отечественной войны хранит еще много неизвестных событий и фактов. В этом смысле наши историки должны работать на опережение. На белых пятнах нашей истории наши враждебные нам силы могут спекулировать, использовать их против нас – поэтому доскональное изучение, анализ, обоснование – вот наше историческое, политическое и идеологическое оружие. Дешевому популизму можно противопоставить только строгое научное знание.

Здесь, однако, нужно проводить четкую демаркационную линию между научными исследованиями, которые могут быть адекватно восприняты и должны быть доступны только для специалистов и историческими сведениями, доступными для широкого круга людей. Любая научная информация, в том числе и историческая, требует своей адаптации перед тем как быть представленной широкой общественности.

В этом отношении крайне важно понимать насколько наши люди готовы воспринимать правду, каким источникам они доверяют, что выступает основой для формирования их исторической памяти. По результатам исследований белорусских коллег, современная белорусская молодежь «...(конец 1980-х – начало 1990-х гг.) представляет события ВОВ зачастую неопределенно, что обусловлено объективными обстоятельствами: все меньше остается реальных участников событий, а существующие распространенные носители

информации (книги и фильмы) на тему войны зачастую не отвечают современным требованиям с точки зрения их достоверности и качества информации. Таким образом, практически единственным источником сведений о ВОВ становятся официальные мероприятия, а не личный жизненный опыт ее участников. Все эти особенности формируют следующее отношение к войне у молодых людей: она предстает скорее как внешнее, экстериоризированное явление, в низкой степени коррелирующее с действительностью. Во многом данный феномен обусловлен тем фактом, что СССР – страны-победительницы, где Победа была первоначально возведена в культ на уровне микронarrации, больше не существует» [7, с. 76]. Безусловно, описанная ситуация освящает лишь один из пластов отношения молодежи к Великой Отечественной войне, тем не менее, объективная временная удаленность вполне однозначно создает условия для некритичного восприятия исторической информации, открывая возможность для внедрения в сознание молодежи псевдонаучных данных, сознательно сфальсифицированных с определенными политическими целями.

В этом отношении крайне важно понять какие источники будут основными для получения молодежью информации о Великой отечественной войне. По данным Ксёнды О.Г. и Бородиной О.Н. в 2005 году для подавляющего большинства молодых людей основную информацию про Великую отечественную войну они получили в процессе школьного обучения (100 %), при этом многие были не удовлетворены ей из-за излишней идеологизированности, односторонности освещения событий, а также неинтересной подачи материала. Это породило известную неудовлетворённость среди молодежи, и они отмечали, что хотели бы получить больше дополнительной и объективной информации. Отметим здесь, однако, что опрос происходил среди студентов, т. е. лиц более зрелых, когнитивно и морально развитых, чем школьники. Поэтому именно на основе той образовательной базы, которую они получили в школе и возник интерес к этой тематике, а также способность адекватно анализировать события. В результате в плане дальнейшего получения информации о войне молодежью "наибольшее значение придается художественным и документальным фильмам (74,6 %), затем Интернету (66,6 %), школьной программе и литературе (58,6 %), музеям, воспоминаниям ветеранов, участников войны (52 %). Отдельно студенты отметили специальные курсы о ВОВ (100 %)" [5, с. 57].

Показательно, что результаты, полученные через 10 лет, в 2015 году показывают практически сходные результаты. По данным Мысливца Н.Л. большинство молодых людей получают информацию о Великой Отечественной войне на уроках истории в школе/на университетских занятиях (86,3 %), из кинофильмов (68,3 %), из радиопередач (52,8 %), от членов семьи (52,4 %), из Интернета (47,2 %), из телевизионных передач (35,5 %), из художественных книг, прочитанных в соответствии со школьной программой (29,4 %), из проводимых в школе (в университете) мероприятий (22,1 %), из научной литературы (15,5 %), из газет (5,0 %) [6, с. 26].

Таким образом, сейчас, когда практически полностью ушло поколение фронтовиков, но все больше уходит детей войны, современная молодежь уже не может получать информацию о тех событиях из первых рук, не может ощутить ее личностную значимость для себя. Поэтому наша задача, как профессионалов, как педагогов, сформировать отношение к Великой Отечественной войне и к ее событиям в контексте их огромной исторической значимости для нашей страны, для нашего народа и для всего мира.

Поскольку молодежь получает максимум информации из учебников – необходимо особенно тщательно готовить именно их. В школе и в вузе должна быть заложена морально-патриотическая база, мощным фундаментом которой будет знание об основных исторических событиях, о нашей роли в мировой истории, о том чем наш народ не только может, но и должен гордиться в веках. Это та психологическая основа, которая не позволит молодому поколению

пойти на поводу у политических спекулянтов. Историю необходимо преподавать так, чтобы она была не просто мертвым набором фактов и дат. Необходимо учить детей видеть причинно-следственные связи, уметь анализировать события и интерпретировать их. Только это знание и способность позволит в будущем защитить нашу историю и нашу историческую память от любых попыток фальсификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровко В. Брест-Литовская крепость. Июнь 1941 г. ч.11. // Независимый литературный портал "Решето". <http://resheto.ru/users/kozak532/art/72106>.
2. Вознесенский, В.К. Брестский укрепленный район в немецких военных документах // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]: материалы конф. В 3 ч. Ч. 2, Минск, 13–24 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Сафонов (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 9–13.
3. Героическая оборона: Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. – 2-е изд., доп. – Мн.: Госиздат БССР, 1963. – 598 с.
4. Козак, Кузьма Іванавіч Гістарыяграфічны вобраз германскай акупацыі Беларусі ў часы Вялікай Айчыннай вайны: рознагалоссе і дыскусіі // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 8 / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 79–86.
5. Ксёнда О.Г., Бородин О.Н. Великая Отечественная война в представлении современной белорусской молодежи // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2005. – № 2.
6. Мысливец, Н.Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ // Философия и социальные науки. – 2015. – № 4.
7. Ротман Д.Г., Широқанова А.А. Великая Отечественная война в сознании разных поколений белорусов // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2005. – № 2. – С. 76.
8. Смирнов С.С. Брестская крепость: Краткий очерк героической обороны 1941 г. – М.: Воениздат, 1957.
9. Brakel A. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicze 1939 bis 1944. Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. Paderborn, 2009.
10. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn, 2008. 420 s.

Kandybovich S.L.

Ryazan State university named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia
E-mail: s.kandybovich@sodru.com

Razina T.V.

Institute of world civilizations, Moscow, Russia
E-mail: razinat@mail.ru

Psychological background of falsification of historical events (on the example of the events of the Great Patriotic War)

Abstract. The purpose of the work is to analyze what features of the action of human memory and perception can serve as conditions that can distort historical data based on eyewitness accounts. This problem is very relevant in relation to studies of the events of the Great Patriotic War, since in relation to a number of episodes of that era at the moment practically no archival documents and other material evidence have been preserved. The problem is compounded by the divergence of many domestic data and the studies of European scientists, which are based on preserved documents. At the same time, many researchers record discrepancies in the statistical data of the Soviet and German sides recorded in the documents of the Second World War. This, however, in turn, may also have psychological reasons. The main memory errors are listed, which are quite typical for combatants, both military and civilians, including the period of the Great Patriotic War. This is the a priori action of ideological attitudes that filter perceived and memorized material, stereotyping of memorized information with the passage of time, tunnel perception of the surrounding reality in a situation of stress, which prevents the perception and memorization of most of the information, the appearance of non-existent memories, distorted perception of time. The indicated regularities necessitate further historical studies of the events of the Great Patriotic War involving both archival materials and eyewitness accounts. Moreover, in parallel with historical analysis, psychological analysis is also necessary to establish an objective picture of the events of that era.

Keywords: falsification; Great Patriotic War; perception errors; memory errors

REFERENCES

1. Brovko V. Brest-Litovskaya krepost'. Iyun' 1941 g. ch.11. // Nezavisimyy literaturnyy portal "Resheto". <http://resheto.ru/users/kozak532/art/72106>.
2. Voznesenskiy, V.K. Brestskiy ukreplennyy rayon v nemetskikh voennykh dokumentakh // 76-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [Elektronnyy resurs]: materialy konf. V 3 ch. Ch. 2, Minsk, 13–24 maya 2019 g. / Belarus. gos. un-t; redkol.: V.G. Safonov (pred.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2019. – S. 9–13.
3. Geroicheskaya oborona: Sbornik vospominaniy ob oborone Brestskoy kreposti v iyuniyule 1941 g. – 2-e izd., dop. – Mn.: Gosizdat BSSR, 1963. – 598 s.
4. Kozak, Kuz'ma Ivanavich Gistaryyagrafichny vobraz germanskay akupatsyi Belarusi ŷ chasy Vyalikay Aychynnay vayny: roznagalosse i diskusii // Krynitsaznaŷstva i spetsyyal'nyya gistarychnyya dystsypliny: navuk. zb. Vyp. 8 / rehdkal.: S.M. Khodzin (adk. reh.) [i insh.]. – Minsk: BDU, 2013. – S. 79–86.
5. Ksyonda O.G., Borodina O.N. Velikaya Otechestvennaya voyna v predstavlenii sovremennoy belorusskoy molodezhi // Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga universitehta. Ser. 3, Gistoryya. Filasofiya. Psikhalogiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ehkanomika. Prava. – 2005. – № 2.
6. Myslivets, N.L. Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati molodezhi: sotsiologicheskyy analiz // Filasofiya i sotsial'nye nauki. – 2015. – № 4.
7. Rotman D.G., Shirokanova A.A. Velikaya Otechestvennaya voyna v soznanii raznykh pokoleniy belorusov // Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga universitehta. Ser. 3, Gistoryya. Filasofiya. Psikhalogiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ehkanomika. Prava. – 2005. – № 2. – S. 76.
8. Smirnov S.S. Brestskaya krepost': Kratkiy ocherk geroicheskoy oborony 1941 g. – M.: Voenizdat, 1957.
9. Brakel A. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicze 1939 bis 1944. Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. Paderborn, 2009.
10. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn, 2008. 420 s.